

14 января 2019

👁 764

Пять поприщ от Вязьмы до Бородина

Фото: Naralenkova (CC by-sa 4.0) / Wikimedia

Заметки Дмитрия Руднева об исторических судьбах памятных мест, расположенных к западу от Москвы.

Старая Смоленская дорога, Вязьма, Бородино — названия, которые вызывают воспоминания о славных и трагических событиях отечественной истории, о выдающихся людях, совершавших здесь свое ратное и духовное служение.

Историк Дмитрий Руднев, один из ведущих экскурсоводов историко-культурного проекта Rublev.com «Нескучная Русь», рассказывает об исторических судьбах памятных мест, расположенных к западу от Москвы.

т Вязьмы до Бородина по старой Смоленской дороге чуть более ста километров. Если перевести это расстояние в старорусскую систему мер, то получится путь длиной ровно в пять поприщ. Мысленно двигаясь по каждому из них, мы поговорим о самых важных вещах и событиях, происходивших в этих местах.

Поприще первое. Начало начал

Вязьма много старше Бородина. Впервые она упоминается в летописи под 1239 годом. Археологические раскопки показали, что город появился в конце XII — начале XIII века. Именно тогда на вершине сохранившегося по сей день Соборного холма появились первые дома и усадьбы города. Чуть выше по течению реки, на окраине современной Вязьмы, находится Русяткинское городище. Оно было построено Смоленскими князьями несколько раньше, в середине XII века. Вероятно, это поселение и было той колыбелью, из которой позже вырос город. Однако у Русяткинского городища есть одна удивительная особенность. Там не было горожан в привычном нам понимании. Все находки говорят, что населено оно было воинами и их семьями. А значит, это был замок, с помощью которого смоленские князья диктовали свою волю местному населению.

Появление замка и города в XII—XIII веках свидетельствует о том, что в это время по реке Вязьме начинается интенсивная торговля. Удивительно, почему этого не случилось раньше, ведь с географической точки зрения Вяземские земли — уникальнейшее место во всей Восточной Европе. Здесь встречаются главнейшие водные бассейны России. Сама Вязьма — приток Днепра, впадающего в Черное море. Несколько севернее протекает Обша, по которой можно попасть в Западную Двину и далее в Балтику. А на северо-востоке и юго-востоке несут свои воды в сторону Каспия притоки Волги и Оки.

Фото: Al Silonov (CC by-sa 3.0) / WikimediaКазалось бы, Вязьме уготована судьба мирного торгового поселения, но именно этому городу впоследствии будет уготована весьма драматическая история.

Московское и Литовское княжества в XIV веке начинают собирать разрозненные татаро-монгольским нашествием и истерзанные в бесконечных усобицах русские земли. А Вязьма как раз лежит посередине между Вильнюсом и Москвой, и, естественно, между обеими державами именно на этом направлении начинается долгое и кровопролитное соперничество.

Литовская граница изначально проходила совсем рядом с Москвой по Можайским землям. Они всегда принадлежали княжескому, а позднее царскому роду. Село Бородино впервые упоминается в писцовых книгах под 1601 годом, как одно из личных государевых владений. Ранее здесь находился царев Воздвиженский погост. Судя по тому, что в XVII веке первый царь из династии Романовых Михаил Федорович жалует село именитому дворянину, имеющему должность в государственной охоте, бородинские земли имели важное значение. Однако, судя по количеству разорений, которым оно подвергалось от иноплеменных завоевателей, да и просто от разбойничьих шаек, это имение так и не принесло своим хозяевам большого дохода.

Вязьма тоже долгое время считалась личным государевым уделом, ведь та ветвь древнего рода рюриковичей, что правила этими землями в XV—XVI веках и подчинялась Литовскому княжеству, не внушала московским правителям доверия, а потому вяземские князья за действительные и надуманные измены были лишены своих уделов. К чести московских царей, стоит сказать, что вяземские, действительно, тяготились централизованной властью Москвы и тяготели к олигархическим вольностям, царившим в Польше и Литве.

При Грозном Вязьма становится опричным, то есть принадлежащим царю городом. Московские

великие князья оказались успешнее литовцев в деле собирания русских земель. В итоге к концу XVI века западная граница отодвинулась далеко за Смоленск, который укрепился гигантской каменной крепостью.

Казалось, и в Вязьме, и в Можайских землях, на которых находится Бородино, воцарились мир и спокойствие. Однако в начале XVII века грянул гром. И это была лишь первая драма из целой чреды трагедий, разыгравшихся на этом направлении.

Поприще второе. Пламя войны

Конечно, мы начнем этот раздел с разговора о Смутном времени. Надо ли вспоминать, что вслед за Самозванцем, которому Вязьма присягнула в 1606 году, по старой Смоленской дороге вглубь страны потянулись отряды польских шляхтичей-авантюристов, ватаги откровенных разбойников и партии королевских жолнеров. И все они грабили, воровали, насильничали. Это несколько протрезвило вяземцев, и, как только Лжедмитрий был убит и объявился новый Самозванец, для них уже не возникало никаких вопросов. Служилые вяземские люди, местные дети боярские и помещики сразу же собрались в отряд и поехали служить законному царю Василию Шуйскому. За это в 1611 году польский король Сигизмунд, двигаясь на Москву, чтобы посадить на престол своего сына Владислава, полностью разоряет город. Трупы жителей валяются на улицах без погребения. Что не уничтожили грабители, пожирает огонь, захватчики вытаскивают из храмов иконы и жгут из них костры. После этого разорения в Вязьме уцелела лишь пятая часть всех строений.

Окончательно отбившись от поляков, первый царь из династии Романовых приказывает построить здесь передовую по тем временам крепость, с массивными каменными башнями. Пролеты, так называемые прясла, закрывают крутые земляные валы.

Конечно, главным щитом столицы на западе был и оставался Смоленск, но горький опыт времен Смуты подсказывал, что даже такой сильной крепости может быть недостаточно. И Вязьма на многие десятилетия превращается в военный форпост, страхующий Смоленск с тыла.

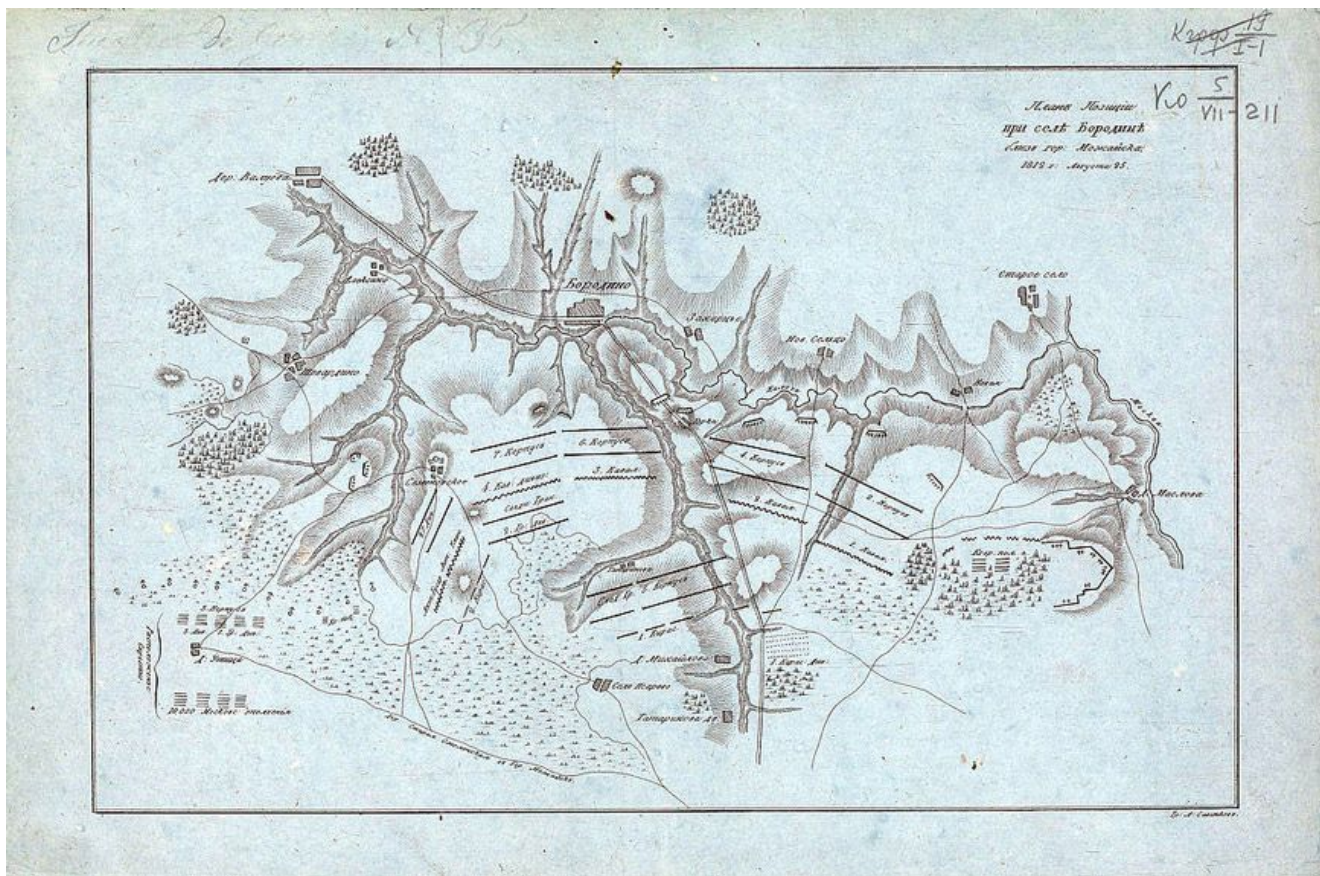

Фото: TatianaNP (CC by-sa 3.0) В конце XVIII века император Павел I превращает Вязьму в крупный военный центр, размещая здесь армейские магазины.

Начало XIX столетия ознаменовалось новой бурей. Летом 1812 года по залитым солнцем полям Вязьмы, громяхая амуницией, промаршировала крупнейшая армия мира. В самом городе измученных жарой солдат интересовало лишь одно — колодцы. В считанные минуты они были вычерпаны, из-за подхода к реке тут и там начались потасовки. Сам Наполеон вынужден был вмешаться в одну из них, опрокинув нескольких солдат конем, других наградив ударами хлыста, а одного маркитанта приказав расстрелять.

Этот эпизод говорит о досаде, которая терзала Наполеона в то время. Он хотел генеральной баталии, которая расставит все точки над *i*, в которой он наголову разобьет русскую армию и вынудит Александра I соблюдать условия Тильзитского мира. Бонапарт, не получив решительного сражения под стенами Смоленска, надеялся, что уж под Вязьмой-то он точно нагонит русских и одним махом закончит этот изнурительный и бесплодный поход. Но и на этот раз мечтам тщеславного корсиканца не суждено было сбыться, армия под руководством Барклая отступала и отступала.

Интересно, что уже на следующий день Михаил Богданович передал руководство войсками Кутузову, но и тот продолжил выбранную ранее тактику. В день, когда Михаил Илларионович принимал командование, Наполеон сидел на Московской улице города Вязьмы и наблюдал за своими марширующими на восток солдатами. С каждым шагом Великая армия приближала свой высочайший триумф и причину своего скорого краха — Бородинское сражение.

Всего через восемь дней на полях, раскинувшихся между деревнями Бородино, Семеновское и Шевардино, Наполеон увидел русские войска, изготовившиеся к бою. Не менее четырех дней наша армия окопывалась, строила редуты и флеши. Перед битвой русские воины поклонились чудотворной Смоленской иконе Божией Матери.

Порядка двухсот пятидесяти тысяч человек сошлись в кровопролитном бою, длившемся с утра до позднего вечера. Не менее восьмидесяти тысяч человек полегло в той битве. И по сей день Бородинское сражение остается одной из самых крупных однодневных баталий в истории человечества.

По воспоминаниям очевидцев поле было усеяно трупами, из-под завалов тел текли ручьи крови. Русская армия на следующий день после сражения начала отступление к Можайску. Наполеоновские солдаты не могли похоронить всех погибших. Сам император приказал не делать разбора между ранеными, свозить в полевые госпитали всех — и своих, и чужих солдат.

Чуть больше чем через месяц Бонапарту пришлось вновь миновать Бородинское поле. Теперь он отступал. За его спиной было поражение под Малоярославцем и разоренная Москва. Зрелище, представшее перед солдатами и офицерами Великой армии было кошмарным. Входивший в свиту Наполеона бригадный генерал Филипп-Поль де Сегюр так описывал увиденное: «На этой всеми покинутой почве валялось около тридцати тысяч наполовину обглоданных трупов. Над всем этим возвышалось несколько скелетов, застрявших на одном из обвалившихся холмов. Казалось, что сама смерть утвердила здесь свое царство. Император проехал быстро. Никто из нас не остановился: холод, голод и неприятель гнали нас вперед».

Удивительно, как этот апофеоз человеческой жестокости перекликается с событиями, происшедшими на 129 лет позднее. В октябре 1941 года гитлеровцы группы армий «Центр» окружили 19 советских стрелковых дивизий и 4 танковые бригады. Эти силы входили в состав западного и резервного фронтов советских войск. Командовали ими Конев и Буденный. Воспользовавшись прерывистостью нашей обороны и ее неглубоким эшелонированием, неприятель нанес два одновременных удара с флангов, разделив силы оборонявшихся, и в течение десяти дней замкнул клещи котла.

Окруженные подразделения продолжали сражаться, несли чудовищные потери, и лишь немногим удалось вырваться живыми из окружения. За считанные дни здесь, к западу от Вязьмы, погибло более полумиллиона советских солдат.

Сегодня в селе Богородицком, в 18 километрах от Вязьмы, устроен мемориальный комплекс. Возле крестов и стел лежат ржавые солдатские каски. Где-то по одной, где-то сразу несколько. Переходя от памятника к памятнику, видя эти безмолвные свидетельства войны, понимаешь, что под каждым из этих шлемов была человеческая голова. Человеческая жизнь. Оборвавшаяся безвременно и ужасно. А простирающиеся вокруг поля, овраги и перелески хранят еще сотни тысяч таких оголовий.

Фото: Александр ЕгорцевСразу же после вяземского кошмара войска фашистов вышли на прямое направление к Москве. Но на пути нацистов, как прежде и других захватчиков, снова встало Бородино.

Сюда в середине октября 1941-го перебрасывались силы и средства 32-й Краснознаменной стрелковой дивизии. Участок, который им было поручено прикрывать, растянулся на 45 километров. Фашисты наступали быстрым маршем. У дивизии попросту не было возможности занять плацдарм и укрепиться на нем. Многим подразделениям приходилось выгружаться из эшелонов за тридцать километров от мест боев и совершать пеший марш до своих позиций. По пути следования этим соединениям попадались группы солдат, вырвавшихся из «Вяземского котла», что очень деморализовало бойцов.

На бородинском участке немцы кратно превосходили наши силы. Достаточно сказать, что в бой гитлеровцы бросили элитную дивизию СС «Дас Райх», 40-й моторизованный корпус, считавшийся эталоном немецких моторизованных частей, и 7-ю пехотную дивизию. И тем не менее, советские воины сумели удержать свой участок обороны в течение четырех дней. Да, дивизия в итоге отступила, но каждый час, каждый выигранный у неприятеля день позволяли стянуть к Москве новые резервы, которые и решили судьбу нашей столицы, не допустив Гитлера в Москву.

Поприще третье. Вера Христова

Единственное хорошее, что есть в войне, это то, что она обязательно заканчивается. Но раны, оставшиеся от нее, кровоточат десятилетиями. Рецепт исцеления один — вера. И опять у Бородина и Вязьмы пронзительно схожие истории. На обоих ратных полях стоят по церкви. И обе они освящены в честь Смоленской иконы Божией Матери.

У той, что стоит в Бородине, попаданием ядра была сильно повреждена колокольня, настолько, что на несколько лет, до восстановления храма, местные крестьяне были приписаны к соседнему приходу. Под Вязьмой по колокольне храма неприятель вел прицельный огонь и уничтожил ее. Оба храма, и на Богородицком поле, и на месте сражения 1812 года, восстанавливались и восстанавливаются монастырями, основанными в память о павших воинах. И монастыри — главное, что объединяет оба этих места.

Обитель на Бородинском поле появилась в 1838 году. К этому времени здесь, у села Семеновского, вдова погибшего командира Ревельского пехотного полка Александра Тучкова Маргарита Михайловна уже построила церковь во имя Нерукотворного образа Спасителя. Через шесть лет после освящения церкви вдова погибшего в этом месте генерала поселилась в домике неподалеку, и здесь же с ее разрешения стали селиться другие вдовицы и сироты, потерявшие близких на Бородинском поле.

Уже через семь лет, в 1833 году, количество этих насельниц достигло сорока человек, и по ходатайству митрополита Филарета (Дроздова) Священным Синодом было учреждено богоугодное общежительное заведение. В 1836 году Маргарита Тучкова принимает в Троице-Сергиевой лавре рясофор с именем Меланья. А через два года община преобразовывается в монастырь, позже инокиня Меланья принимает пострижение в мантию с именем Мария и становится первой игуменьей обители.

на пожертвования, в том числе и от императорской семьи, возводятся стены и башни, собор, колокольня, сестринские корпуса. К моменту закрытия в 1929 году в монастыре жило без малого триста насельниц, творивших неустанную молитву о русских воинах, сложивших свои головы на Бородинском поле. Большевики разгонят обитель, восстановление начнется лишь в конце XX века.

В то же время и началось духовное возрождение России в целом. На Смоленской земле постепенно открывались и реставрировались храмы. Верующие — люди неравнодушные. События октября 1941 года, работа поисковых отрядов, панихиды по погибшим воинам, церковное погребение обнаруженных останков — все это сделало трагедию «Вяземского котла» ощутимой и несмолкаемой болью. К концу девяностых годов уже появилась идея построить в месте прорыва наших воинов из гитлеровского окружения монастырь в память о погибших.

В 1999 году свое благословение на строительство обители дал тогдашний митрополит Смоленский и Калининградский Кирилл, ныне патриарх Московский и всея Руси. В монастыре идет строительство, налажена богослужebная жизнь, и вместе с тем растет синодик погибших в окружении воинов.

Покоившиеся по балкам и перелескам останки обретают, казалось бы, навсегда утраченные имена, будто Сам Всеведущий Господь возвращает нам память о наших предках, живот свой и душу свою положивших за нашу сегодняшнюю мирную жизнь.

Крайне важно, что Бородино и Вязьма, обогранные кровью тысяч и тысяч людей, становятся домом молитвы. Домом Господа, ибо только память и молитва могут удержать людей от нового кровопролития.

Поприще четвертое. Любовь всепобеждающая

Вязьму и Бородино объединяют не только реки пролившейся в этих местах крови. Их объединяют две истории любви, победившей смерть. Одной из них мы уже вскользь коснулись. Остановимся на ней поподробнее.

В старинном дворянском семействе Нарышкиных, находившемся в родстве с самой императорской фамилией, в январе 1780 года родилась девочка, назвали ее Маргаритой. Безоблачное будущее девочки, казалось, было обеспечено. Ее ждал брак с красавцем и умницей Павлом Ласунским, наследником немалого состояния, деяния предков которого сулили молодому человеку блестящую придворную карьеру.

Брак состоялся, лишь только девушке исполнилось 16 лет. Но муж, который и вправду впоследствии стал блестящим придворным, оказался кутилой и повесой. Дабы молодая супруга не скучала, он бесхитростно предложил ей выбрать себе «предмет для развлечений» из своих же собственных друзей. Это шокировало Маргариту Нарышкину, и она все рассказала своей матери, урожденной княгине Волконской.

Варвара Алексеевна немедленно стала хлопотать о расторжении брака и вскоре добилась своего.

В это же время Маргарита Михайловна знакомится с блестящим военным Александром Алексеевичем Тучковым. Между ними возникает чувство, но несмотря на развод и немедленное

сватовство Александра Алексеевича к Маргарите Михайловне, ее родители не дают согласия на брак. Они, как говорится в народе, обжегшись на молоке, дуют на воду. Но Александр Тучков проявляет настойчивость и через несколько лет в 1806 году добивается руки Маргариты Михайловны.

Тучкова по службе переводят в Пруссию, за ним, наотрез отказавшись остаться дома, следует и молодая жена. Даже в пекле сражений, где Александр Алексеевич стоял перед рядами своих солдат под градом пуль и картечи, Маргарита Михайловна старалась быть поближе к супругу. Она перевязывала раненых, помогала фельдшерам у санитарных повозок и беспрестанно молилась Богу о том, чтобы Он сохранил ее мужа невредимым. И до поры мольба Маргариты Тучковой остается услышанной.

В 1811 году происходит событие, которое сама Маргарита Михайловна назовет «пределом своего счастья». У нее рождается сын. Александр Алексеевич, окрыленный своим отцовством, пишет Государю прошение об отставке, намереваясь поселиться с семьей в имении под Тулой и начать вести жизнь счастливого семьянина. Но Александр I отклоняет прошение Тучкова, и тот встречает войну 1812 года в качестве командира Ревельского пехотного полка.

Полк направляют к Смоленску, и Маргарита Михайловна отправляется провожать мужа. Во время одной из ночевок она видит дурной сон, в котором слышит голос о том, что ее муж погибнет при Бородине. Это маленькое сельцо никому не было известно, и Александр Алексеевич отшутился, что такое название деревни можно найти разве что в Италии, а туда война если и перенесется, то очень нескоро. В удручающем состоянии Маргарита Михайловна покидает мужа и поселяется в Кинешме.

Снова Александр Тучков в самом горниле войны, снова вокруг него свистят пули и картечи, снова он молитвами супруги остается невредим.

В роковой день Бородинского сражения бригаде Тучкова выпало отбивать у противника Семеновские флеши. Выйдя из леса со стороны Старой Смоленской дороги, полки Александра Алексеевича не успели развернуться в боевой порядок, как тут же попали под шквальный огонь. Рядом с командиром убило знаменосца. Стяг Ревельского полка оказался на земле. Видя замешательство своих солдат, он обернулся к ним и спросил: «Трусите, ребята? Ну, так я сам пойду!» Поднял полковое знамя и устремился на неприятеля.

Следом за молодым генералом бросились его пехотинцы. Флеши были отбиты. Но во время этой славной атаки Александр Алексеевич сначала получил ранение, а потом его накрыло взрывом французской гранаты...

Известие о гибели мужа Маргарита Михайловна получила буквально через несколько дней. В комнату вошел ее отец с внуком Коленькой на руках и сказал: «Вот все, что у тебя осталось от мужа». А брат, Константин Нарышкин, служивший адъютантом у Барклая и привезший это известие, уточнил, что «был дан бой под Бородиным».

Надо ли говорить, что само название этого места ужаснуло овдовевшую женщину. Собрав остатки сил, она отправляется на поле битвы, чтобы найти тело мужа. Двое суток она ходит между гор трупов. Ей и престарелому монаху из близлежащего Лужецкого монастыря, помогающему вдове в поисках, удается найти лишь палец погибшего с обручальным кольцом.

Фото: Simon Kozhin / С.Л.Кожин / Wikimedia (CC by-sa 3.0) То, что тело возлюбленного, как и тела многих других солдат и офицеров, растворилось в самой Бородинской земле, подтолкнуло Маргариту Михайловну к мысли о святости этих полей. Так она решает возвести здесь храм. Дальнейшую историю вы уже знаете.

Остается добавить, что сын Александра и Маргариты Тучковых дожил до пятнадцатилетнего возраста и скоропостижно умер от простой простуды. Утрата оборвала последние нити, связывавшие эту женщину с миром, и она, сохраняя верность супругу, посвятила свои последние годы служению господу в монашеском чине.

А за пятьсот лет до этого в Вязьме, которая в конце XIV века была столицей удельного княжества, произошла другая история. Молодой вяземский князь Симеон Мстиславович женится на юной дочери новоторжского боярина Иулиании. Оба супруга всем сердцем любили друг друга. Будучи богобоязненными людьми, несмотря на жестокий век, они сохраняли в своих сердцах и горячую веру в Господа, и были милостивыми правителями, за что и снискали любовь народа и своих бояр.

Смоленским князем в те годы был Юрий Святославович. Он был властным, смелым, но в то же время разгульным человеком. Помимо воинской славы он жаждал женского внимания и многих боярских жен и дочерей совратил силой.

Однажды на охоте вяземский князь спас его от лап медведя, князь Юрий стал часто гостить в Вязьме. Но жестокий нрав смоленского князя подтолкнул его стольный город передаться Литве, и так Юрий оказался в изгнании. Следом за Смоленском пала и Вязьма, потому и князь Симеон разделил судьбу своего «друга» Юрия. Сделавшись изгнанниками, они пошли на службу Московскому князю, который выделил им на княжение Торжок, разделив его на две половины.

Однажды князь Юрий устроил в своем тереме пир и пригласил на него вяземского князя. Не

подозревая ничего плохого, Симеон отправился на застолье и преломил хлеб со своим убийцей. Внезапно слуги Юрия кинулись на князя Симеона и мечами зарубили его...

Сатанея от злодеяния и все больше упиваясь вином, убийца потребовал привести в его спальню княгиню Иулианию. Слуги князя привели к нему беззащитную женщину. Сраженная вестью о гибели мужа, она стойко отвергала домогательства Юрия, а когда он попытался овладеть ею силой, взяла лежавший на столе нож и ранила преступника. Воспользовавшись его замешательством, она выбежала из покоев, вырвалась на улицу и стала звать на помощь. Рассвирепевший князь послал за нею своих слуг с приказом изрубить ее тело на куски и бросить в Тверцу.

После своего злодеяния Юрий бежал в Орду, долго скитался по другим землям, пока, наконец, не вернулся на Русь, чтобы умереть в Николаевском Веневском монастыре. Князя Симеона с почестями перевезли в Вязьму и похоронили. Его имущество было передано на украшение местного собора, а через некоторое время были обнаружены и останки княгини Иулиании. После их чудесного обретения супругу вяземского князя, сохранившую ему верность даже перед лицом смерти, похоронили в ее родном Торжке.

Да, обе эти истории кажутся нам печальными. Да, мы привыкли к историям с «хеппи эндом», но настоящая любовь — вещь, далекая от водевильных представлений. Конечно, в жизни Александра и Маргариты Тучковых, вяземских князей Симеона и Иулиании, не было счастливого конца в современном его понимании. Но высота духа этих людей, сила их взаимного чувства заставляют нас о многом задуматься и более глубоко посмотреть на собственную жизнь, на те порывы, которыми руководствуемся мы сами.

Поприще пятое. Мир и благоволение

Вот мы и прошли почти весь путь от Вязьмы до Бородина. Из глубины веков и из совсем недавнего времени перед нами вставали удивительные образы. Это были знатные и совсем простые люди. Имена одних для нас сохранила история, другие так и остались безвестными героями. Но перед каждым из них мы в неоплатном долгу.

Возникают и исчезают государства. Века вздымают и низвергают стены гордых крепостей, люди прокладывают торные дороги, но позже забывают о них, а те зарастают травой и лесом. Казалось бы, время неумолимо, но и его можно победить — на это способна человеческая память. И сегодня, когда смотришь на тихую и мирную Вязьму, уютно укутанную мягкой провинциальной дремой, когда бродишь по окрестностям Бородина, где мало что напоминает о разыгрывавшихся здесь трагедиях, не хочется думать ни о чем тревожном или плохом. Но миром нельзя просто наслаждаться. Его надо ценить. И в этом нам помогает наша память, память об истории нашего народа.

Дмитрий Руднев

